

Игорь Шестков "Ужас на заброшенной фабрике"

УЖАС НА ЗАБРОШЕННОЙ ФАБРИКЕ

ДЕМОН

Молния не била, гром не гремел, серой не пахло.

Он появился так обыденно, естественно, что было даже обидно, хотя и я не корпел месяцами в библиотеке над старинными фолиантами, не искал заветной формулы, не твердил наизусть латинские заклинания, не чертил пентаграммы... только пригласил его.

Мысленно.

Точнее – кивнул. В ответ на реверанс бетонной стены в подземном переходе, очередной приступ удушья и зловещий танец фонарей на Алексе, напомнивший мне «действие праотцов» из «Весны священной».

Позвал я его... когда совсем отчаялся. Осознал, что не могу справиться с самим собой.

Хотя долго пытался научиться это делать.

Он не торопился.

Пригласил я его еще вчера, а появился он только сегодня, 31-о октября... соблюл, так сказать, традицию.

Когда я выходил пол-одиннадцатого из моей крохотной библиотеки, его там не было... ручаюсь... а когда через четверть часа опять в нее вошел, он стоял у моего письменного стола и листал мерзкими своими лапами альбом моего любимого художника.

Он не поздоровался, только кивнул спрятанной в капюшон головой, чуть не уронив жаровню, в которой тлели угольки, повел длинным носом, поскрипел полиэтиленовыми крыльями и железным круглым животом, поморгал подслеповатыми глазками, поправил пенсне... и ткнул мохнатым черным пальцем в репродукцию. Проткнул бумагу почерневшим кривым когтем.

Мог бы этого и не делать, я знал, что он явится в этом, хорошо знакомом мне образе. Столько времени простоял рядом с оригиналом в Картинной галерее...

– Жаровню, может быть, снимете с головы... Да и стрелу давно пора вытянуть из пуза, накапаете кровью мне на ковер. А он больших денег стоит. Так по крайней мере продавец утверждал. Перс.

– Не извольте беспокоиться, я ничего тут не испорчу. Мое тело, как вы надеюсь понимаете, состоит не из вашей материи. А перс ваш врал, ковер так себе.

– Из какой же вы состоите материи? Из темной, что ли?

– Именно. Точнее, из особенной, хтонической субстанции, как говорят наши магистры.

– Магистры? Это те, которые в желтом домике клизмы ставят?

– Те самые.

Он говорил, слегка потрясывая толстенным пупырчатым хвостом или удом, картинно разлегшимся все на том же ковре. Как огромная редька, живущая отдельной от ее владельца жизнью.

Позже я понял, что его явление в форме босховского демона было не уступкой и не изъявлением покорности, а своеобразным подарком. Видом своим он как бы говорил: Да-да, я – именно тот, кого ты вызвал. Кого ты всегда звал, не только вчера. Я – ответ на все твои вопросы. Твоя последняя надежда. Посмотри, я принял эту форму только для тебя, учитывая твоё положение и... хм... заслуги перед нами... хотя ты и не один из нас... Приятно побаловать смертного... посмешить... хотя, что тут смешного....

Очень лестно.

Я спросил его, хорошо ли он понимает по-русски. Ответ его меня не удивил.

– Время тянете? Незачем. Я ничего от вас не хочу, упаси бог, кроме того, что вы сами хотите мне отдать, потому что вам тяжело нести эту ношу... Вы меня пригласили... не забывайте это. Да... мне все равно, на каком языке вы изъясняетесь... я понимаю все человеческие языки... а моя речь, как это у вас говорят, автоматически переводится на язык моего собеседника. У нас, знаете ли в отделе переводов такие асы сидят... Гиены и крокодилы... Обзавидуетесь. Так что не трудитесь формулировать... не хитрите, отбросьте дурацкую риторику... я ощущаю и слышу все ваши мысли... эмоции... реакции... желания. Даже те, которые... как это... ну да, невысказанные... и даже вами не осознанные. Да-да, вы можете оторвать мне голову или руку... Но вы стоите передо мной

обнаженный... я вижу вас насквозь... вижу кости и кристаллики соли... бляшки в сосудах... камешки в желчном пузыре... пора кстати вам позаботиться о здоровье и выбрать себе новое тело... спешите, завтра уже не сможете... знаю содержание тех ваших потайных мыслей, с которыми вы не делились ни с кем... которые вы даже бумаге не доверяли никогда... Не забывайте, в нашем мире все эти ваши... багатели... материализуются, и принимают любопытные формы... И поверьте, их лицезрение не доставляет мне никакого удовольствия. Все одно и то же. Вы, люди, удивительно скучные существа... даже если вы нашли философский камень... как будто природа или Старик, ах, простите, естественный отбор или высшая воля... неважно кто... всех вас по одним и тем же лекалам начертили... Вы, как это у вас называется... программы... Скучно не только ваше добро, скучно и ваше зло. Колода-то одинаковая. Ну, картишки, ясное дело, вы получаете при сдаче разные... Кто – талант, а кто и три, а другой – хреном по лбу...

– Держу пари, ваша колода не сильно больше нашей... Что же я могу предложить вам в ответ на вашу помощь, если вам все известно и вы все видите и слышите? Если у меня вместо бессмертной души – программа? А моя жизнь – для вас только партия в подкидного дурака? Мои карты – на столе. На кой черт вы тогда хлопчите, толкуете со мной про темную материю, если я не представляю для вас никакой ценности?

– Ха-ха-ха. Вы забыли про джокер... он-то и есть ваша главная ценность... И еще... смотрите повыше ваших домашних тапочек, мне ли вас учить... Пути Его неисповедимы. И намерения того, кто с обратной стороны тоже... да, того, которого вы только называли Монсеньором... и умудрились довести до бешенства своим упрямством. Он играет в свою игру. А я только исполнитель... так что не будем тратить время на пустопорожнюю дискуссию... вот кстати и бумаженция. Текст короткий... Прочитайте, подумайте, поразмышляйте... а завтра вечером – подпишем, и дело в шляпе. Вы возвратитесь в свой мир и забудете обо всем, мне профит... Да, забыл сказать, прошу вас больше не просить меня надевать этот маскарадный костюм! Уж если вам так приспичило, согласен на рога, копыта и зубастую пасть. У нас на складе все это имеется в изобилии. Могу и черным пуделем к вам прибежать. Как у классика. Или

Королем мух. Бегемотом. Не хотите? Ладно, ладно, шутка. Мы ведь с этим чудным образом так намучились, собирали по сусекам. Намудрил ваш мазила. Как будто специально для вас старался. Костюмеров пришлось пригласить придворных... а у них гонорары... не поверите... Позвольте выкинуть все это на помойку, а-то в животе бурчит как в кастрюле, голову жжет чертова жаровня, и стрела свербит?

– Валяйте.

И он тут же принял обличие невысокого смуглого мужчины в ковбойке и джинсах...

На голове его была тexasская шляпа, на которой колыхалось роскошное петушиное перо.

Как же он был смешон!

И ты ждешь помощи от этого мелкого беса?

Он видимо прочитал мои мысли, нахмурился, сухо кивнул на прощание и исчез. Растворился в воздухе.

Я мог бы его вызвать еще раз и наказать за невежливость, но не хотел возиться и не был уверен, что у меня получится.

Небольшой, исписанный вручную листок пергамента лежал у меня на столе. От него отлетали синие искорки. Не мог не потеатральничать, мерзавец...

Прочитал текст по диагонали. Написан так, как будто его писали авторы «Молота ведьм». Но содержание ясное. Придется подписывать. Ага, кровью.

УЖАС НА ЗАБРОШЕННОЙ ФАБРИКЕ

Началось это, новое, лет двадцать назад. Постэмиграционная прострация меня уже не мучила, а даже доставляла известное удовольствие. Мучило не раз описанное «раздвоение» оставившего родину невротика. Как ни пытался я соединить тело и дух, все напрасно... витал то в метре, то в километре от собственного тела. Зачастую и в другой стране или на другом континенте. Но кое чего я добился – оставленный московский мир и мой все еще мечущийся в нем двойник перестали тянуть меня к себе и являться в снах. Прошлое больше

не догоняло меня, отстало... как бегун, вздумавший соревноваться с поездом... бежит, бежит по параллельной путям тропинке, потом сдает... теряет скорость... и вот, его уже и не видно за набежавшими холмиками, покрытыми кудрявыми деревцами. И непонятно, был ли он вообще.

Тогда и произошла «встреча». На заброшенной бумажной фабрике.

Неожиданная и непреднамеренная встреча непонятно с чем... унесшая в небытие мою подругу и разрушившая мою прежнюю жизнь.

Да, встреча... в месте, в котором ни я, ни какое другое живое существо из нашего мира ни при каких обстоятельствах не должно находиться. А я вперся туда... да еще и не один.

Жил бы себе и жил.

Нет, полез поперек батьки в пекло.

А все эта... моя тогдашняя... бедняжка Розы... Розмари Ким. Мягкая и обходительная дама, похожая на жену Ленона. Она уговорила меня съездить в замок Грабштайн. Хотя он пользовался дурной славой среди местных жителей, и она это знала. Проклятое место.

В воскресенье поехали.

Подмораживало уже, но желтые и красные листочки еще не опали. Красиво было и свежо.

Мне ехать не хотелось... лень... хандра...

Неохота было загонять гуляющий где-то в Тоскане дух в телесного болвана.

Собираться... одеваться... Поехал только потому, что не было сил отговаривать Розы от поездки... да и наш полумертвый город опостылел.

Розы вела свой маленький желтый фольксваген с гордостью и удовольствием.

После Объединения она заработала достаточно денег не только на машину, но и на небольшой домик с гаражом на окраине, и на многочисленные туристические поездки по всему миру, в которых я ее иногда сопровождал, и даже на шмотки от Христиана Диора, которые покупала в Париже. Для дочери беженцев вовсе не мало. Хотя и домик и автомобиль были куплены в кредит.

А я и этого себе позволить не мог. Гражданство сменил, но так и остался

Обломовым. Только без имения и капитала. Тратить жизнь на такие мелочи...

Ехать недалеко, минут сорок... по проселочным дорогам.

В пути Розы восхищалась осенними саксонскими ландшафтами, и впрямь красивыми, но меланхоличными... лишенными чего-то главного... рассказывала мне что-то о замке... из путеводителя, который она сама и составляла.

Я дремал. Наслаждался тем, что завтра не надо идти на работу, думать о нудных и бессмысленных делах... Летом закончился мой контракт с городским Музеем, а следующий начинался только через полгода.

С трудом разлеплял веки, когда Розы будила меня, чтобы показать очередной «уютный саксонский уголок», старый домик, «похожий на пагоду» или дерево, «трепещущее в бледном золоте осени».

...

Приехали. Запарковались недалеко от замка.

Часовую прогулку по его недрам я описывать не хочу, тошно. Одно и то же... люстры из рогов убитых оленей... пыльные сундуки, резные комоды, скромный алтарь-триптих из закрытой полстолетия назад церковки неподалеку, несколько чудом уцелевших реликвий в серебряных футлярах, печки с синими и зелеными изразцами, доспехи, алебарды, портреты господ с охотничьими трофеями, шпалеры, фрески...

И висячие сортиры.

Представьте себе, господа, вы делаете свои дела, рискуя провалиться в пропасть, а моча и экскременты растекаются по благородной стене вашего родового замка.

А как же жители нижних этажей? Читал, не помню где, что воняли эти «рыцарские замки» так, что владельцы, пожив годик в одном замке, оставляли его, переезжали в другой, потом в третий... А холопы их годами чистили стены, выгребали завалы. Здорово придумали графы и бароны!

Пока ходили по замку, думал о мифическом проклятии. Ничего зловещего не заметил и не почувствовал. Все было как-то убого... чувствовалось, что замок часто перепродавали и очищали от всего ценного новые хозяева.

Розы торжествовала, забралась в бывшую графскую кровать с ногами, когда смотрительница вышла. Подруга моя была маленького роста, но даже для нее эта помпезная деревянная кровать была коротка. Рыцари видимо были лилипутами.

Испытал облегчение, когда мы вышли наконец на воздух. Захотелось посидеть,

выпить кофе...

В маленьком замковом дворе помещался ресторанчик... там подавали пиво и мясо дикого кабана, которого тут же на огромном вертеле жарили два актера в средневековых одеждах палачей – обтягивающих полосатых трико и зловещих курточках с характерными разрезами. Палачи то и дело поглаживали свои огромные бутафорские мечи, обменивались скабресными шуточками и поддразнивали туристов. Видимо, считали, что это придает больше достоверности их роли. Рядом с ними плясали несколько шутов с бубнами в руках... а роскошная красавица-блондинка в розовом платье играла на лютне. Роза заказала себе сливовое пирожное с взбитыми сливками и кофе. А я оскоромился... еще и кружку темного радлера выпил. Веселиться так веселиться!

Кабанину подали с тушеной морковью и сельдереем. Вкусное мясо, но жестковатое.

За средневековое сопровождение с нас содрали вдвое больше, чем все это стоило.

Поковырял в зубах. И опять задремал. Несмотря на лютню и бубны...

Но с Розы разве поспишь? Потащила гулять по окрестностям.

Если бы мы после еды домой поехали, судьбы – и ее и моя, сложились бы иначе.

Хотя, кто знает, может быть мы бы в автомобильной аварии погибли. Или умерли бы вечером от заворота кишок. Роза еще вчера испекла ореховый торт.

Очень жирный.

...

У Розы была с собой камера, тогда еще не цифровая, обыкновенная, мыльница. И ей захотелось непременно сделать хорошую фотографию замка для малотиражной экологической газетенки, выпускаемой в городе чахлой Зеленой партией. «Чтобы и свет, и тени, и вода, и стены, и башенки... все было видно... и чтобы замок торчал и гремел как колокол на фоне синих небес». Так она говорила, моргая своими милыми раскосыми глазками.

Стали искать подходящее место. И быстро поняли, что лучше всего сфотографировать замок с третьего этажа заброшенной бумажной фабрики на другой стороне реки.

Перешли реку по висячему мостику. Мостик качался, как бы предупреждая, но мы не поняли его сообщения.

Я рассказал Розе дурацкую советскую шутку о том, почему лучше строить мост вдоль, а не поперек реки, она долго хохотала.

Шалила и радовалась жизни.

Я шел за ней и пытался не отставать от самого себя.

Подойти к зданию фабрики было нелегко. Его окружал высокий забор с колючей проволокой. Нашли дырку... видимо подростки пробрили... топорами что ли...

Или бездомные. Над проходом кто-то провидчески написал на стене: Тут плохо. Вам тут не место! Катитесь!

И нарисовал по-декадентски вытянутый череп. А на нем маленькую мышку с скрипкой в лапах. Мышка грызла свою скрипку. Внутри скрипки кто-то сидел, виден был только один глазок, с ужасом смотрящий на мышку из резонаторного отверстия на деке.

Вышли на густо заросший кустарником фабричный двор.

Похоже, фабрику эту закрыли сразу после войны. Я заметил несколько не заделанных пробоин от снарядов. Из трещин на старом асфальте выросли высокие деревья. Несколько березок ухитрились прижиться на изрядно потерпевшей от дождя и ветра крыше.

На обшарпанных стенах фабрики висели таблички с надписями.

Вход в здание фабрики строго запрещен!

Карается законом!

Охраняемое культурное наследие свободной земли Саксония.

Не входить! Опасно для жизни!

Я почувствовал присутствие чего-то необычного, необыкновенно мощного.

Нам бы бежать оттуда, сломя голову...

Но мы пошли дальше.

Во мне пробудился азарт кладоискателя.

– Слушай, Роза, ты ведь сама мне рассказывала, что в замке нашли сокровище. Старый владелец спрятал кучу золота, картины, статуи и фарфор перед тем, как от русских драпать. Замуровал ценности, хитрец... Наверняка эта фабрика тоже ему принадлежала. Может быть, он тут второй клад спрятал? Ценные бумаги,

серебро, платину. Власти это знают, поэтому эту дурацкую кирпичную коробку и не сломали до сих пор... забором огородили, боятся, что «черные копатели» клад найдут и тайно вывезут. Или наследники выроют и твоей любимой Саксонии не достанется ни пфеннига.

– Клад тот, в замке, после Объединения отдали наследникам. Хотя местные власти и сопротивлялись как могли. Судились. Так что, был бы второй клад – его бы уже откопали. Гляди, вон там толстенная доска отбита...

Протиснулись внутрь.

...

И опять... не было ни страха, ни даже опасений... только волнующее чувство присутствия чего-то крупного, полного энергии, может и не от мира сего. Я ощутил прилив сил, сонливость исчезла... хотелось танцевать... пробежался туда-сюда как молодой ослик по огромному пустому пространству бывшего цеха... пространству, залитому светом, льющимся из доброй дюжины огромных двойных окон, прорезанных в стенах. Танцевал и искал глазами сокровище, что конечно было глупо.

Посередине цеха стоял ряд тонких металлических колонн, на которые опирались слегка вогнутые рельсообразные металлические балки. Сводчатый потолок напоминал внутренность коробки шоколадных конфет. Цех производил впечатление добротного, не без инженерного и архитектурного изящества сделанной производственной машины. Клад я не нашел, но обнаружил громадные весы... несколько ржавых платформ на колесиках и колоссальных размеров ванну.

Я заметил, что и моя подруга воодушевлена и ведет себя как-то странно.

Сорокапятилетняя Роза прыгала по залу как юная козочка и напевала какую-то корейскую песню... До этого, я ни разу не слышал, как Роза поет на своем родном языке. Контральто.

Потом она вдруг села на корточки. Лицо ее сияло... руки она сложила на груди ладонями вверх. Будда?

Я подошел к ней и ласково похлопал ее по плечу.

Мы нашли лестницу и начали подниматься.

Лестница зияла жуткими провалами...

...

Зал-цех на втором этаже выглядел точно также, как и на первом.

Поднялись на третий. И тут все то же. Окна. Свет. Пустота.

Но что-то было не так. Усилилось чувство присутствия чего-то чужого, ужасного, астрономически мощного... и уже через несколько мгновений это чувство стало невыносимым. В ушах сухо защелкали электрические разряды, а в глаза по громадным готическим сводам полетели сотни сине-розовых шаровых молний.

Перед нами... из ничего... возникла зыбкая, как бы сделанная из живого серебристого металла, конструкция. Чем-то она напомнила биомеханические скульптуры шестидесятых. Розы затряслась и заскулила. Я окаменел.

Через мгновение конструкция пропала с резким щелчком.

Розы как загипнотизированная отошла от лестницы... сделала всего несколько шагов... и перешла невидимую границу... оказалась в зоне действия того... страшного.

Ее тело затянуло в мясорубку.

Непонятная сила подхватила ее и повесила в воздухе... ее одежда и обувь слетели с нее, осыпались искорками... и несчастную голую Розы растянуло на всю длину зала как сосиску, потом, с невероятной скоростью сосиска эта завязалась странными подвижными узлами... затем стала плоской... а в воздухе повисла сложная математическая фигура, состоящая из нескольких листов Мёбиуса, переплетенных и пульсирующих.

Через несколько секунд она схлопнулась со страшным треском.

Опять появилась серебристая конструкция...

Затем все пропало.

Залитый светом зал бывшей бумажной фабрики был пуст.

В воздухе пахло так, как пахнут электромоторы...

Сам не знаю, почему, я ощутил эйфорию, как после интенсивного оргазма.

Ошарашенное сознание и сметенные чувства не поспевали за реальностью.

Борясь с неожиданным приступом тошноты, я шагнул назад к лестнице и присел на каменный пол.

Подруги моей я больше никогда не видел. Тогда я это еще не осознал и не

скорбел по ней.

...

Разумеется, я пытался объяснить себе, что происходит. Но не мог.

Я никогда не увлекался мистикой и научной фантастикой, но видел кое какие художественные и документальные фильмы... поэтому предположил, что нахожусь не в бывшем цеху бумажной фабрики, а внутри какого-то, неизвестного человеку магического устройства...

Космического дезинтегратора материи?

Портала межгалактической связи?

Или попросту – у входа в ад?

Но это, увы, было не так. Сейчас я с уверенностью могу это утверждать, потому что за последующие двадцать лет пережил много-много чего. Этот зал не был чем-то, что можно описать подобными продуктами человеческой фантазии... он был и есть нечто неопределимое и непознаваемое... то, о чем мы смутно догадываемся в детстве... иногда даже видим просвечивающие сквозь обыденность странные серебристые контуры той самой загадочной конструкции... ощущаем ее присутствие...

В зрелые годы мы теряем способность видеть и чувствовать сверхъестественное...

И даже не ощущаем это как потерю, как драматическое отсутствие чего-то, быть может, самого важного в жизни... без чего существование является ущербной пародией на само себя.

...

Последнее, что я видел на третьем этаже бумажной фабрики, было неожиданно возникшее на стене между ближайшими ко мне окнами голографическое изображение нагой женщины. Откуда оно взялось?

Картинка была большой... метра два с половиной в высоту. Женщина походила на Розу... но это была не она... лицо ее скрывала страшная маска, превращавшая эту нагую женщину в чудовище.

Образ этот преследовал меня еще несколько лет после происшествия на фабрике. Являлся, то тут, то там. Я не знал, что манифестирует эта женщина, что она для меня... наказание... напоминание... сигнал.

Изредка я вижу ее и сейчас.

Голографическая «Рози» смотрит на меня из окон домов, с рекламных плакатов, я вижу ее на фасадах домов, в арках и проходах, даже на стенах церквей и экране монитора.

...

Я вышел из здания фабрики, пролез через дырку в заборе, побрел к осиротевшему фольксвагену. Надо было позвонить в полицию, назваться, все им честно рассказать... Мобильника у меня еще не было, но на парковке стоял уличный телефон-автомат.

Честно рассказать?

Кто бы мне поверил? А стал бы настаивать... заперли бы в дурдоме. Навсегда. Поэтому я повел себя трусливо, но как показало будущее, правильно.

Подъехал к дому Розы, открыл двери ее гаража, закатил туда машину, прошел через дом к входной двери и вышел. Перед этим включил свет на кухне, спальне и в коридоре. И съел два куска орехового торта.

Домой добрался на автобусе.

Ночью сжег воскресную одежду и обувь в цинковом корыте. Сбрил бороду и шевелюру. Остриг ногти. Хорошенько вымылся. А через два дня подал в полицию заявление о пропаже Розы.

Перед этим два раза приезжал к ней домой. Оба раза заходил внутрь дома и оставался там несколько минут. Пил кофе из двух чашечек.

На допросе в полиции показал, что, да, в последний раз видел Розы после возвращения из совместной поездки в замок Грабштайн в ее доме, в воскресенье. Да, обратно вел машину сам, привез ее домой и ушел. Вышел из ее дома, побежал к подходившему автобусу. Да, на звонки не отвечает... да, у меня есть свой ключ, и я заходил к ней домой, но там Розы не обнаружил. Нет, с пропавшей фрау Ким мы не ссорились, да, у нас была интимная связь, но никаких брачных или имущественно-финансовых отношений не было. Мы были хорошими друзьями и только, жили порознь. Нет, насколько я знаю, детей у фрау Ким нет, а родители умерли. Да, она работает в бюро одна. Без секретарши. Нет, с ее работодателями в Бундестаге я не связывался, но думаю, если бы она была в командировке, позвонила бы. Нет, ни на какие вещи или средства Розы я

не претендую... да, дом и фольксваген принадлежат ей, нет, ничего не знаю о ее акциях. Да, у меня нет своего автомобиля, но есть велосипед, которым я давно не пользуюсь. Да, ключ от ее дома готов отдать полиции.

Один из дознавателей, не помню, как его звали, сказал мне, когда мы были одни в комнате: Я не верю ни одному твоему слову. Тебя спасло только то, что деньги, драгоценности и акции фрау Ким оказались на месте. Если мы найдем хоть одну, крохотную улику, посадим тебя как убийцу.

Мне захотелось с ним поиграть.

– Может быть, вы мне назовете мотив... у нас с фрау Ким не было большой любви, но не было и разногласий... разве что... меню на завтрак, она, знаете ли, обожала ливерную колбасу, а я терпеть ее не могу. Зачем же мне убивать ее? Из-за ливерной колбасы? Поверьте, я обычный человек, хоть и родом из России, никаких зловещих тайн у меня нет, мертвецов в подвале тоже... Я не умею лгать, у меня нос дергается.

Следак тяжело посмотрел на меня и повторил: Не верю ни одному твоему слову. Ты психопат, мог убить и без мотива. Я это чувствую. Просто так убил. Для удовольствия. А потом наvertsел самому себе черт знает что... искусствовед. Но меня ты не проведешь. Будем проверять все мелочи... Кое что у нас уже есть, но для предъявления обвинения этого недостаточно.

– Что же у вас есть? Или секрет?

– Почему секрет. У нас секретов нету. Соседка видела, как машина в гараж въезжала. Но сидел в ней – ты один. Опустила по фотографии. Куда тело спрятал?

– Может, Розы пригнулась... и соседка ее не разглядела...

– Не рассказывай сказки. Вот подписка о невыезде. Распишись и проваливай.

...

До процесса дело так и не дошло.

Но «встреча» на бумажной фабрике не осталась для меня без последствий.

Первые месяцы мне сильно не хватало Розы... Она привносила в мою жизнь порядок и доставляла мне много радости. Теперь мое психическое равновесие было нарушено, и я начал разрушать сам себя... начал опять нюхать кокаин...

Но с этой напастью я справился сам...

В полицию меня вызывали еще раз десять. Кто-то из ментов рассказал о пропаже Розы прессе, желтая городская пресса опубликовала ее фото. И мое. Несколько раз мне пришлось отбиваться от назойливых газетчиков, кричащих: Зачем вы убили вашу любовницу? Где спрятали тело?

В городе шептались. Некоторые знакомые женщины перестали отвечать на мои звонки и здороваться. Мужчины относились ко мне как к опасному психопату, что, впрочем, не мешало им заводить со мной шапочные знакомства. Позвонил референт из городского Музея и сообщил, что мой контракт не продлят, а несколько художников отозвали в письменной форме приглашения выступить на открытии его выставок.

Напоследок все тот же мрачный дознаватель официально объявил мне, что дело прекращено. А потом добавил от себя: Я своего мнения о тебе и этом деле не изменил. Подожди, когда-нибудь мы найдем труп... или ты еще кого-нибудь убьешь, и мы тебя уличим и посадим. Сгниешь в тюрьме...

Я ответил, что в настоящий момент никого убивать не собираюсь, но если опять подружусь с дамой, любительницей ливерной колбасы, то за себя не ручаюсь.

Следак так на меня посмотрел, что я тут же заткнулся и поспешил покинуть неприятное здание городской полиции с немецким вариантом «рабочего и колхозницы» на фасаде.

...

На самом деле мне было вовсе не до шуток. Меня мучило не только отсутствие Розы, к которой за три года знакомства привык как к пуховой подушке, и потеря работы.

Проклятый «дезинтегратор», как я сам для себя начал для простоты называть серебристую машину, убившую мою подругу на фабрике, опалил меня своим излучением – и мне вдруг открылось то, что обычно от человека скрыто. Для его же блага.

Я видел и слышал странные, страшные вещи и получил способность иногда изменять действительность. Моя жизнь больше не была линейной последовательностью минут и часов, меня то и дело «кидало» в различные реальности, принадлежащие неизвестным мне мирам. Единство моего «я» было нарушено.

Во время разговора с враждебным мне полицейским, я явственно видел небольшого красноватого дракона, кусающего его сердце. Дракон этот заметил мой интерес и гадко подмигнул мне свои вараньим веком.

Пройдя через стеклянные двери магазина «Реве», оказывался не среди арбузов и дынь, салатов и готовых мясных блюд, а среди темных песчаных дюн, по которым ползали неизвестные мне существа с геометрически правильными прямоугольными телами...

Супрематизм на печке...

Не раз я просыпался ночью не у себя в кровати, а стоя рядом с очевидно неземным конвейером, подвозящим ко мне голые, как бы резиновые, куклы, похожие на людей, скрещенных с лягушками и страусами. Моей работой было – оживлять их наложением рук на их головы и произнесением специального заклинания-мутабора...

Существа эти, ожив, соскакивали с движущейся ленты и отправлялись на заправочную станцию, пить керосин. И меня звали с собой. И я кивал им своей лягушачьей головой, вздымал вполне человеческие руки и переступал с одной страусиной ноги на другую.

Молоденькая и застенчивая девушка по вызову Менди превращалась во время коитуса в злобно рычащего и уродливого неандертальца мужского пола, и мне приходилось спешно выбегать из спальни, дрожа от страха. Когда же я через несколько минут приходил назад, прелестная Менди спрашивала меня: Милый, почему ты остановился как раз тогда, когда у тебя начинался оргазм? У тебя еще остался снежок?

РЕЛИКВИЯ

Я не злодей. Однажды в июне мне удалось с помощью телекинеза предотвратить лобовое столкновение двух скоростных поездов.

Я сидел на лавочке на любимой яблонево аллее и наслаждался видом расцветающих деревьев... почувствовал что-то... и понял, что на пролегающей метрах в четырехстах от аллеи железнодорожной ветке через несколько секунд

произойдет катастрофа.

Мне удалось понизить скорость обоих составов... остальное доделали насмерть испуганные машинисты. Вы бы видели, как изумленно они глядели друг на друга из стоящих нос к носу локомотивов!

А я смотрел на лишенных добычи ангелов смерти, летающих вокруг да около как стая стервятников, согнанных с трупа буйвола голодной львицей.

Один из них подлетел ко мне, приняв вид голубого волнистого попугайчика.

Несколько раз облетел вокруг головы. Я понял, что он хочет, поднял руку, и он сел на мой согнутый указательный палец, посмотрел на меня лукаво, несколько раз клюнул руку, и прошептал: Это не пройдет тебе даром! Не пройдет! Мы отомстим. погоди, попляшешь как уж на сковороде! Не пройдет... не пройдет... уж... родке...

Улетая, он повторял свою угрозу.

Я потерял его из виду, но там, где он исчез, в небе появилось что-то вроде темного кольца, и это кольцо увеличивалось и приближалось ко мне. Вскоре я услышал яростный клекот тысячи птиц, из которых это кольцо состояло. И вот... это уже не птичье кольцо, а огромная, спускающаяся с неба, сковорода. А у меня... исчезли руки, тело вытянулось... я стал ужом, попытался ускользнуть... но кто-то крепко схватил меня за бока и бросил на сковороду, прямо в шипящее масло.

...

Не знаю, долго ли длилось мое мучение... очнулся я на перроне... по путям рядом со мной мчался товарный поезд... цистерны... в двадцати сантиметрах от меня бешено выла и свистела смерть... всжи-всжи-всжи... она влекла меня к себе.

Нашел в себе силы отойти от края. Прошелся по платформе, огляделся. Место какое-то необитаемое... длинный барак, с одной стороны до крыши заросший кустарником, еще один барак, вросший в землю, электрические мачты, провода... метрах в двухстах – развалины старинной башни... сердце сдавило. Неужели меня закинуло в Россию? Это хуже сковородки... Прочитал название станции – Розенхайм. Отлегло. Обознался. Изгаженная русскими гарнизонами Саксония тогда еще местами выглядела как моя покинутая родина.

Задумался. Голова работать не хотела. С трудом вспомнил, что Розенхайм – это небольшой городок, на окраине которого на скале, нависшей над речкой Полдау, и стоит этот чертов замок Грабштайн. И смотрит окнами на бумажную фабрику. Неспроста я тут...

Решил идти к замку.

Вышел в город по подземному переходу.

Городок как городок. Двухэтажные аккуратные дома. Рыночная площадь... ратуша не без претензии... кирха с колокольной... а где-же люди то? Никого на улице нет. И огня не видно. Только подумал и сразу наткнулся глазами на мигающую огоньками вывеску с улыбающейся свинкой: Мясная лавка Мюллера. Внутри виднелся продавец в белом халате и заливчатой шапочке.

Вошел, поздоровался... пахло в магазинчике хорошо, свежей ветчиной... продавец симпатичный... чисто. Купил вареную сосиску с булочкой. Мясник спросил меня, с чем я хочу ее съесть.

– Нет, не надо ни горчицы, ни кетчупа, вкус отбивает... да, заверните в салфеточку, я съем ее по дороге в замок. Кстати, как к нему отсюда пройти? Мясник, когда услышал слово «замок», перестал выглядеть симпатичным.

Перекосил лицо... побагровел...

– Что тебе в нем надо? Потанцевать захотел? Хочешь что-нибудь украсть, ты, русский? Может быть тебе лучше на бумажную фабрику сходить? Там тебя уже ждут.

Я не стал выяснять с ним отношения, ушел... Пожелал ему мысленно превратиться в свинью.

Представил себе мысленно карту, сориентировался по Солнцу, и пошел на юг. И уже через минуту увидел силуэт замка. В дымке.

Из оставленной мной лавочки еще долго доносилось хрюканье и визг.

По дороге не встретил ни одного человека. Но видел несколько автомобилей. Из одного из них на меня смотрела Роза.

...

Входной билет в замок мне продала знакомая смотрительница, соскучившаяся видимо по людям.

– Вы сегодня первый посетитель. Ресторан закрыт на ремонт, и к нам никто не

идет. А где же ваша жена? Такая обаятельная женщина... Я ее и вас запомнила... тогда уже подумала – эти люди придут еще раз. Ах... боже мой, что же я говорю... простите... я знаю... тут была полиция... и в газете... Мне что же... надо вас бояться?

– Это как пожелаете. Разрешите представиться, Антон Сомна. Бывший москвич... путешественник по нижним мирам. Работал в городском Музее, охранял мебель Ван де Вельде на вилле и экскурсии водил... так что я ваш коллега. Пришел проведать ваше собрание... А в газетах – все врут. Фрау Ким не была моей женой, я не крал ее бриллианты, не рубил ее топором, не расчленил тело и не прятал его в заброшенной шахте в Рудных горах рядом с Янтарной комнатой. Я поджарил его и съел за обедом. А сюда притащился в поисках новой жертвы...

– Ах, боже мой!

– Извините за неуместную шутку, я совсем забыл, что саксонцы слишком долго жили под советскими и потеряли чувство юмора. Уверяю вас, я совершенно безвреден... только вашего мясника в свинью превратил...

– Верю-верю. Его не надо превращать... он и так... А я кстати не саксонка... приехала сюда уже после Объединения. Я родилась в деревушке на севере... под Фленсбургом... вы еще в наших диалектах не разбираетесь, а местные сразу узнают... Я Анна. Анна Флеминг.

– Очень приятно. Ну что же, госпожа Флеминг, проспектик я ваш уже читал, посоветуйте мне... между коллегами... что мне у вас повнимательнее посмотреть.

...

Смотрительница обрадовалась, что кто-то нуждается в ее помощи и предложила провести меня по замку и «все подробно рассказать». Я от этой чести вежливо отказался, не терплю, когда кто-то мной управляет... посмотрите налево, посмотрите направо... объясняет... навязывает свою точку зрения... пичкает ненужной информацией... Бедняжка вся съежилась и начала «своими словами» пересказывать мне то, что я уже знал... я ей не мешал... но и не слушал, что она говорит. Потому что вдруг вспомнил, что «встреча» состоялась, что я понятия не имею, как оказался на станции Розенхайм, что, возможно, я нахожусь не в замке,

а в параллельной вселенной, а сексапильная фрау Флеминг совсем не та... не то, что я вижу перед собой. И тут, как бы в подтверждение моих слов, вместо смотрительницы возник мясник из лавки. Он был в кожаном фартуке, забрызганном кровью, в одной руке держал поросенка, в другом длинный тонкий нож... Мясник полоснул поросенка ножом, слизал кровь с лезвия лиловым коровьим языком и грубым низким голосом прорычал: Потанцевать захотел, русский? Приглашаю!

Подскочил ко мне, обнял, встал в позу и запрыгал со мной, как с куклой, в каком-то диком гопаке.

Стоило мне моргнуть и злое видение исчезло.

Смотрительница все еще продолжала свой рассказ об экспонатах замка, а я стоял перед ней и делал вид, что внимательно ее слушаю.

Закончила она свой рассказ так: Обязательно обратите внимание на нашу знаменитую реликвию – палец святого Вита. В Саксонию этот предмет прибыл из Франции еще в девятом веке. Хранился в различных монастырях. Был куплен или отобран у монахов первым владельцем замка, рыцарем Дитрихом фон Арвеле в четырнадцатом веке. С тех пор хранился тут. Но никто этого не знал, потому что рыцарь спрятал свое сокровище в особом тайнике в капелле, вырубленной в базальтовой скале... Чтобы открыть тайник, нужно было вынуть тяжелый камень... После того, как в конце восьмидесятых годов тут нашли сокровище... да-да, то самое... весь замок обыскали, простукали, просветили рентгеном... и случайно нашли этот тайник... Мы специально не заостряем внимание публики и прессы на этой уникальной вещи, боимся, что привлечем воров... но на самом деле она – самый старый и ценный экспонат нашей коллекции. Да, кстати, сегодня – пятнадцатое июня, день святого Вита... Раньше все в этот день танцевали. Найдете его под массивным стеклянным колпаком, в зале номер девять, в красном углу.

– А что, этот самый палец как-то связан с проклятьем замка Грабштайн? Или это все басни для дошкольников?

Смотрительницу этот вопрос смутил. Ей явно не хотелось говорить на эту тему. Подумав минутку, она выпалила, очевидно воспользовавшись готовой формулировкой чужого авторства: Никакого «проклятия замка Грабштайн» не

существует. Это выдумки распространяли среди местного населения сотрудники музея в начале двадцатого века. Чтобы привлечь публику. И преуспели. Даже вы, человек родом из России, слышаны о проклятии. Ну да, в замке за восемь веков его существования много чего произошло... кто-то видел привидения... были и убийства, и самоубийства, и смерти при загадочных обстоятельствах... но они произошли не из-за какого-то мифического «проклятия», а из-за тщеславия, жадности, ревности одних и бесправия других... И маленькая серебряная коробочка с тремя косточками и обрывком кожи, называемая реликвией святого Вита, не могла и не может конечно послужить причиной драматических событий.

Она была великолепна в своем возмущении.

Я решил использовать ее порыв и затронуть самую важную для меня тему.

Постарался не выдать голосом волнение и жгучую заинтересованность.

– А что вы слышали о бумажной фабрике... той, что через реку? Имеет она какое-то отношение к замку и его проклятию?

Собеседница моя смутилась еще сильнее, миловидное лицо ее стало пунцовым, ручки сжались в кулачки... она бросала на меня разгневанные взгляды... еще немного и бросилась бы на меня и начала царапаться. Кошечка.

– Если я затронул запретную тему, не отвечайте.

Демарш мой запоздал. Госпожа Флеминг проговорила каменным голосом, не без сардонических модуляций: Не надо притворяться, господин Сомна. Наша сотрудница, не буду называть ее имени, видела, как вы пошли тогда после посещения музея в сторону фабрики... А возвращались вы один. Без вашей жены... простите, приятельницы. На фабрике была полиция. Они там искали тело. Мы все это видели из окна и переживали. Может быть, бедняжка все еще лежит там, где-нибудь в подвале, а вы тут подлую комедию разыгрываете? Как это цинично! Уходите, или я в полицию позвоню.

– Звоните, я не против. Уйду, уйду, только для начала взгляну на витов палец.

Оставил смотрительницу в самых расстроенных чувствах.

Походил по музею. Нашел окошко, из которого по-видимому «сотрудница и коллега» подсматривала за мной и Розы. Дырка в ограде находилась с другой стороны здания, отсюда никак нельзя было увидеть, как мы зашли во двор. За

фабрикой – еще какие-то заброшенные производственные строения, а дальше – парк, переходящий в лес. Тут искать и искать... Прочесали наверное парк и фабричные подвалы, если они вообще существуют, а на третий этаж и не поднимались... Потому что лестница неисправна... можно шею сломать... Если бы они видели то, что я видел, со мной говорили бы иначе. Убили бы, чтобы молчал.

Неожиданно наткнулся на ту самую реликвию в красном углу...

Палец святого Вита. Это имя мне было известно, потому что я посетил в свое время собор его имени в Праге и прослушал там долгую нудную лекцию, которой потчевали туристов тамошние экскурсоводы. Не много осталось в памяти... мученик... юноша... красавец... убит во времена Диоклетиана... в чем-то его заживо варили, но он остался невредим, как они все... неужели в эту чепуху христиане верят... лев его есть отказался... наверное был сыт или Вит был невкусный... нет, больше ничего не помню.

...

Палец лежал в небольшой серебряной трубочке, долженствующей изображать эту крайнюю часть тела. Трубочка покоилась в открытой деревянной коробочке, обитой золотом. Все это – под стеклянным колпаком, действительно массивным, прикрученным к массивной же металлической витрине.

Ничего особенного!

Внезапно моя правая рука как-то неестественно дернулась.

Пальцы ее сжались в кулак, потом напряженно разжались. Потом то же произошло с моей левой рукой. Ноги – и тоже импульсивно, судорожно начали сгибаться и разгибаться...

На стене висела ржавая рыцарская палица. Без труда выдрал ее из крепления... и треснул по стекляшке, которая разбилась с жалобным писком.

Зачем я это делаю, не понимал.

Схватил реликвию и положил в карман... в голове мелькнуло – за порчу музейного имущества – год, за кражу реликвии – три. Надо было убегать... или идти в полицию с повинной. Вместо этого я, дергаясь как паралитик, вышел на свободную от экспонатов середину зала номер девять и начал там танцевать.

Танцем это назвать было трудно, но я танцевал. Корчась, гримасничая,

неконтролируемо выбрасывая ставшие такими длинными руки и ноги, немыслимо сгибая спину и шею...

Откуда-то прибежали два палача. Те самые, в пестрых трико.

Потом появились и шуты, и девушка с лютней, и рыцарь Дитрих фон черт знает что, и смотрительница...

Все они что-то кричали, пытались схватить меня за руки...

Но ничего у них не вышло.

Я танцевал, танцевал, танцевал... прибавил скорости и задора, участил ритм и заплясал так быстро, что они меня перестали видеть.

Перед ними кружилось что-то вроде смерча, а когда он внезапно перестал вертеться, середина зала номер девять была пуста.

Пустая деревянная коробочка лежала на каменном полу.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ БАЗАР

Ральф намазал ломтик своего любимого, овсяного с отрубями, хлеба – сливочным маслом, а поверх масла положил чайную ложечку абрикосового мармелада... откусил немного, так, чтобы захватить мармелад, и начал медленно жевать.

Медленно жевать он привык во время голодного детства, которое устроила ему его помешанная на экономии и здоровом питании мать. Чем дольше жуешь, тем дольше длится потом ощущение сытости.

Глотнул любимого, ямайканского, с синей маской на глянцевой этикетке, кофе, черного, но с сахаром. Посмаковал... улыбнулся и благосклонно посмотрел на свою жену Лени, младшую его на двенадцать лет, и до сих пор, несмотря на свои сорок пять, привлекательную и худощавую... Надежную кобылку, на которой он проскакал последние, счастливые, после двух ужасных браков, закончившихся скандалами и унижительными для Ральфа решениями бракоразводного суда, четырнадцать лет. Бездетную, но оптимистичную, веселую и охотно экспериментирующую с ним в постели. Последнее время они предпочитали ролевые игры. Парафилия перерастала в нежное дурачество...

Сегодня утром Ральф изображал старого ворчливого плантатора, а Лени – разогревшую его холодную кровь рабыню, негритянку-малолетку. С психическими отклонениями. Она так билась, квакала и хрипела, что Ральф испугался и попросил ее быть потише...

А вчера – негритянкой был Ральф, а плантатором – Лени, которой для успешного завершения игры пришлось воспользоваться известным техническим приспособлением, крепящемся на талии... Ральф кричал искусственным детским голоском: Не надо, масса, не надо, мне больно...

А Лени не смогла удержаться... расхохоталась, и чуть все не испортила. После катарсиса, впрочем, хохотал и Ральф...

...

– А не сходить ли нам на Рождественский базар? Что ты думаешь, милая? Как никак, сегодня первый день Адвента... И погода солнечная... Выпьем по стаканчику глинтвейна... посмотрим на этих идиотских щелкунчиков... на вертящиеся пирамиды... Жареной колбаски хочется пожевать...

– Я куплю тебе там наконец шерстяные носочки. Твои все с дырками.

– Вот, вот... купим носки, посмотрим на пирамиды, винца попьем... И еще я хочу купить грецкие орехи... килограмм пять... помнишь, в прошлом году покупали? Польские. Черненькие такие, но внутри – чистые, и в три раза дешевле наших...

– Ах, дорогой, я боюсь покупать пищевые продукты у этих людей... они какие-то грязные... говорят, они так нас ненавидят, что даже в тесто плюют, когда пекут хлеб на продажу в Германию... бог знает, что они в эти орехи насовали.

– Мне тоже самое говорили про официантов в Париже... Если они слышат немецкую речь, обязательно плюют в суп. Может, это все вранье? Хотя нас действительно никто не любит. А за что нас любить?

– Ах, не надо об этом. Надоело уже... И еще я хочу попробовать новые крепы, мне Сюзанна рассказывала, что наш доморощенный француз приготавливает, месье Леонид... с ванильным мороженым, брусникой, клубникой, ликером и ромом... Из каштановой муки.

Лени закатила глаза и зачмокала. Ральф заметил, что она опустила верхнюю, тонкую свою губу – на нижнюю, пухлую. По животу Ральфа прошла невольная

судорога.

– Вот и изумительно! Я буду глинтвейн пить, а ты крепы есть...

Сказав это, Ральф встал, погасил свечу на рождественском венке, собственноручно сделанном трудолюбивой Лени, наклонился к уху жены и прошептал заговорчески: А сегодня вечером я хочу быть инопланетянином-насильником... Грубым, дерзким и ненасытным...

– Клингоном? Тогда мне придется стать девочкой Сил из «Особи». Согласен?

– Ну нет, мне жалко твою спинку... оставайся сама собой, а я буду злобным греем.

– У греев кажется... глазки большие, а между ног...

– А у меня все будет ровно наоборот, голова маленькая, а член...

...

Начали собираться. Ральф был готов к отходу через пять минут, а Лени только через полчаса. Макияж, шляпка, сапожки... одну только сумочку выбирала минут десять... Женские заботы.

На базар решили идти пешком... потому что непонятно, где парковаться.

Понаехали, небось, на своих паршивых Рено, пенсионеры из своих крысиных нор.

Пошли.

По дороге Ральф посматривал на фасады отремонтированных после Объединения шикарных домов, построенных в начале двадцатого века, и вспоминал, в каком плачевном состоянии они были во времена ГДР. Не только дома, но и мостовые, и фонари, и редкие в немецком мире неоновые рекламы, казалось, хвастались своей новой, добротной, надежной западногерманской плотью.

Оранжевые черепицы на крышах веселили глаза... а утробное ворчание мощных моторов БМВ и Ауди радовало уши и наводило на мысли о возможностях, подаренных историей бывшим водителям Трабантов и Вартбургов. Хорошо знающий своих соплеменников Ральф никогда не верил в то, что они смогут этими возможностями воспользоваться, но это знание уже не портило ему настроение. Сколько можно думать об одном и том же, терзать себя...

Старший сын Ральфа, Штефан с женой Синди умудрились выцыганить в банке

кредит на открытие магазина сувениров. Получили деньги, сняли помещение на бульваре Брюль... компактное, удобное... купили мебель и товар... пригласили на открытие всех своих знакомых... дали объявление в местную газету... на радио... на открытии одетая в претендующее на «национальную» одежду безумное платье с воланами Синди раздавала детям конфеты и воздушные шарики, Штефан жарил для взрослых нюрнбергские сосиски... выставил восемь ящиков пива «Курфюрст». Устроили беспроигрышную лотерею. Выигрышами были наборы для литья оловянных солдатиков.

Через год примерно они позорно обанкротились...

Ральфу пришлось доставать из тайного заглазника пятнадцать тысяч... иначе Штефана еще бы и посадили. Синди дала последние, отложенные на похороны, деньги старушка-мать.

Теперь Синди бухгалтерша в Мюнстере, куда ее увез новый муж, Михель, владелец авторемонтной мастерской при автосалоне. А Штефан начал было колотиться, потом завязал... и живет то ли в Канаде, то ли в Новой Зеландии. Валит лес или овец пасет. Отношения между отцом и сыном, и так неважные, после банкротства магазина сувениров совсем испортились... Ральф конечно не смог удержаться от нотаций и поучений... сын не хотел все это слушать. Даже за глаза обвинял отца в своих бедах. Потому что Ральф – работал в Ратуше... и, по мнению Штефана, был одним из тех, кто «придумывает эти правила и налоги». Он имел в виду правила аренды недвижимости и особые налоги, которые в Германии устанавливаются городскими администрациями.

Эти правила и налоги, как считал Штефан, и разорили его уютный семейный бизнес.

На самом деле, виноваты были не налоги, а полная неподготовленность бывшего гражданина ГДР, по профессии инженера-конструктора швейных машин, и его жены, недоучившейся журналистки – к ведению торгового дела. Но разве кто-то добровольно признает свои ошибки? Гораздо легче свалить вину на других. Это делают и частные лица, и партии, и правительства...

Ральф первые десять лет после Объединения работал в отделе образования и спорта. Работу эту он получил, потому что еще в студенческое время организовал в городе протесты против лишения Вольфа Бирмана гражданства

ГДР. За это его выгнали из технического Университета. Через пятнадцать лет Ральф был обласкан новой властью.

Помогал школам поднять зарплату учителям, искал спонсоров для постройки стадиона и ремонта бассейна.

Зарабатывал поначалу не много, но затем, после того, как еще десять лет проработал директором «Фабрики культуры», в которой наряду с городскими административными учреждениями, библиотекой, галереей современного искусства, минералогическим музеем, театральной кассой и несколькими магазинчиками, была и своя кондитерская, и рыбная лавка, и два кафе, и три ресторана, и парикмахерская, и даже несколько отделений банков... вдруг осознал, что не знает, как потратить деньги. К тому времени он уже щедро помог всем родным и близким, и не близким... Решил, что пришло время тратить деньги только на себя и жену. Потому что жизнь проходит.

Купил фрак, Мерседес для себя и Тойоту для Лени, снял шикарную квартиру на Кассберге, с индивидуальным лифтом, подземным гаражом и террасой, подарил Лени золотые часы Ролекс за семь с половиной тысяч евро, а самому себе – за пять. Начал покупать кофе по цене тридцать пять евро за пачку. И маринованных угрей.

...

Семейная жизнь Ральфа удалась.

До настоящей пугающей старости было еще далеко.

Другие дети Ральфа – дочка и сын выросли и работали в Баварии. Раз в месяц звонили отцу.

На могиле его родителей красовался солидный мраморный памятник.

Работа нервировала в меру.

Отношения с бургомистром, бывшим одноклассником, были душевными.

Иногда, они даже пили вместе пиво в «Золотом петухе». Не все члены городского совета были его друзьями, но даже во врагах Ральф чувствовал интуитивную поддержку властной корпорации. Между собой они позволяли себе роскошь враждовать, интриговать, изредка и пожирать себе подобных... но для всех остальных – они были сплоченной группой управляющих, связанной множеством невидимых для непосвященного связей... Полулегальные гешефты,

совместные поездки... Лазурный берег, Сардиния, Гштад, Санкт-Мориц...

дружба семьями... общие врачи... путаны... банки...

Ральфа приняли в Ротари-клуб и городскую масонскую ложу.

Было отчего радоваться жизни по дороге на рождественский базар...

Единственное, что омрачало прогулку, было нахлынувшее на него ни с того, ни с сего неизвестное до сих пор Ральфу чувство – ему вдруг показалось, что все, что он видит вокруг себя – как бы не настоящее. Не настоящий день. Не настоящее солнце.

Ролевая игра? Кого и с кем?

И ты сам – тоже не настоящий. А какой? Пластилиновый? Может быть.

Театральные декорации? – спрашивал он самого себя, глядя вокруг себя и посмеиваясь.

Нет. Тут небо и горизонт. Нарисованы? Слишком хорошо. Так не бывает. Все бывает.

Кино? Тоже нет. Скучно. Какой я герой? Никакой.

Сексуальная фантазия? Чья...

Нет, скорее, это описание в тексте. Неопределенное... безответственное...

И дома на заглавные буквы похожи. Даже не на наши...

Кто-то пишет про меня, – смутно догадывался он, – и он имеет власть сделать со мной и со всем этим... все, что ему заблагорассудится. Черт побери, до чего странное и неприятное чувство.

Эй ты, там...

Бедняге Ральфу стало казаться, что это чувство его охватывало в жизни не раз... что вся его жизнь приснилась ему сегодня ночью. Или – за несколько секунд до пробуждения.

Кризис среднего возраста?

Ипохондрия своего рода?

...

Как раз тогда, когда Ральф и Лени, оба высокие, стройные, импозантные, в длинных дорогах пальто, Ральф с белоснежным шарфом, Лени с огненно-красным, подходили со стороны Кассберга к Рыночной площади, на которой располагался базар, произошло нечто... что отвлекло Ральфа от неприятных

мыслей о пластилиновом мире, но заставило вспотеть от ужаса.

В длинном и узком окне городской Ратуши Ральф увидел нагую женскую фигуру с отвратительным лицом. Огромный нос начинался на лбу, а заканчивался на подбородке. Глаз и губ видно не было.

Ральф решил, что он окончательно и бесповоротно чокнулся. В отчаянии спросил Лени: Посмотри на башню... над Роландом, в окне... видишь фигуру? И тебе, вообще... не кажется, что все ненастоящее?

В это время они как раз входили на базар через щедро украшенные разноцветными лампочками ворота, через которые можно было бы провести боевого слона. Лени уже нашла глазами палатку с носками и чулками... и рвалась к ней. Поэтому она не приняла всерьез слова мужа и даже не взглянула на башню.

Ральф уже пожалел, что спросил жену... зачем ее мучить... отпустил ее с миром и зажмурился...

Затем посмотрел на башню еще раз... вот Роланд... вот и окно... пустое!

Померещилось...

Ральф погладил свою красивую седую голову со стрижкой ежиком, ему почему-то захотелось закурить, хотя он не курил уже лет тридцать.

Ну, голова у меня настоящая...

Понюхал воздух. Пахло жареными сосисками.

И воздух настоящий. И нос.

Подошел к Лени. Та перебирала и щупала бежевые и темные носки, соединенные вместе в три или в шесть пар.

И носки настоящие!

– Милая, я пойду, поищу глинтвейн и орешки...

– Только не уходи далеко, если потеряемся, я позвоню.

– Хорошо. Но я не взял с собой мобильник. Иначе замучают звонками.

– Тогда встретимся у большой пирамиды. Ее отовсюду видно.

Ральф отошел от носочного киоска, прошел метров двадцать пять и вдруг застыл как вкопанный. У небольшой палатки с глинтвейном.

Та же страшная нагая дама с огромным носом как ни в чем не бывало разливала в белые фарфоровые кружечки горячую черную жидкость, пахнущую перегаром

и корицей.

Нет, все-таки театр!

Посетители базара забирали свое пойло... платили ей, получали сдачу... так, как будто у нее обычное человеческое лицо, а не чудовищная образина... как будто она нормально одета. Вероятно они видели ее иначе, чем Ральф. И именно это, а не ее нагота и безобразие испугали его. Он не хотел становиться отщепенцем-кверулантом, уродом-ясновидящим...

Еще меньше Ральф хотел бы стать героем пьесы. Надутым Гамлетом или озабоченным Фаустом. Он, особенно сегодня, и особенно тут, на рождественском базаре, хотел быть как все... хотел быть простым бургером, пришедшим на базар попить глинтвейна и поесть жареной колбаски...

Протер глаза, пощипал себя за худую жилистую руку...

И обратился к автору: У тебя совесть есть? Крути кино назад.

Горько посмотрел на небеса, потом малодушно скосил глаза в сторону и отошел от киоска с глинтвейном. Вернулся к Лени, которая как раз протягивала продавщице двадцать евро.

Продавщице?

Ральф поднял глаза... да, его страх оправдался... эта продавщица... это тоже было она. Жуткая нагая. Чудовище. И Лени не видела этого!

Ральф быстро повернулся к ней спиной и ахнул...

Все продавцы и продавщицы во всех киосках... все они были...

Болезнь прогрессирует, – подумал Ральф, – быстрее, чем я привыкаю к ее симптомам.

И тут же получил подтверждение этому.

Не только продавцы, но и все посетители базара, даже маленькие дети и старик в инвалидной коляске – превратились в эту... нагую фурию.

И Лени тоже.

Только он один оставался самим собой. Собой ли?

Поразительно, но все эти существа вокруг него продолжали делать то, что делали до своего превращения. Торговались, беседовали друг с другом о семейных делах, пили глинтвейн, что-то искали, находили... бывший ребенок все так же орал... а нагая на месте старика вертела колеса инвалидной коляски.

Лени-чудовище стояла рядом с Ральфом и держала в руках шерстяные носки.
Это уже слишком!

...

Затем этот странный, больной и неестественный мир стал на глазах у Ральфа разрушаться.

Вначале зашатался Роланд на башне. Гранитные его глаза раскрылись, он несколько раз моргнул, задрожал и отчаянно громко затрубил в рог. После чего упал и ушел под землю. Перед этим превратившись в огромную багровую букву «R».

Ушла под землю и пирамида.

За ними последовало и здание Ратуши и все окружающие рыночную площадь дома, ставшие строкой неизвестного Ральфу текста...

Зашатались киоски-слова... запрыгали как мячики-буквочки обнаженные женщины... все провалилось...

И вот... Ральф один на поросшем темным вереском поле, похожем на лист шершавой бумаги.

Солнце черное и в зените. Как распухшая точка.

Не слышно ничего, кроме завывания ветра и постукивания по клавишам.

Ральф понял, что жизнь его кончилась, и спросил непонятно у кого: Почему исчез мой мир? В чем моя вина? Ведь я не делал никому ничего плохого, только работал, любил, зарабатывал деньги и тратил их. Помогал близким. За что ты меня так наказал?

Никто ему не ответил.

Ральф глубоко вздохнул и закрыл глаза...

На листе появился печальный мягкий знак...

И тут же открыл их.

Прямо передо мной показалась и тут же пропала охваченная серебристо-фиолетовым сиянием машина, похожая на биомеханическую скульптуру.

Я сидел в огромном зале на третьем этаже бывшей бумажной фабрики.

В длинном пальто... на шее у меня был повязан белый шарф. Со стены на меня пристально смотрела безглазая голографическая Роза.

На дворе трещал цикадами июнь.

Я снова был в своем времени, в своем милом кошмаре...

Спустился по лестнице с провалами и направился на станцию Розенхайм.

Проходя мимо замка Грабштайн заметил, что из верхнего окна на меня смотрит смотрительница, прекрасная фрау Флеминг. Приветливо помахал ей рукой и послал воздушный поцелуй.

Вскоре услышал знакомое хрюканье из мясной лавки.

Еще два поворота, и я на станции. Тут подземный переход. Вот и платформа.

Подошел поезд.

ПОСЛАННИК

Вошел в вагон, поднялся на второй этаж. Занял свободное место у окна.

Расслабился.

Состав мягко тронулся. Надал. За окном понеслись назад полюбившиеся за годы жизни в Саксонии картинки – холмы, заросшие буками, аккуратно обработанные поля, деревянные башенки для охотников, современные великаны – ветряные электроустановки, с шизофренической плавностью вращающие свои белые лопасти.

Подремал минут пять... а когда открыл глаза, обнаружил, что напротив меня сидит непонятный человек в длинном летнем пальто, украшенном небольшим значком в форме герба. Узколицый, породистый, очкарик. В маленькой феске песочного цвета.

Из-под пальто выглядывал характерный белый воротничок католического священника.

Руки у незнакомца были, как у многих представителей поповского сословия, неестественно белые. Кольцо на указательном пальце, тоже с гербом. Нос – длинный, тонкий, изогнутый. А глаза серые, спокойные. Но с потайной мыслью. На ногах его вместо ожидаемых элегантных туфель – были популярные тогда роликовые коньки.

Неожиданно он заговорил. Баритон его отдавал в металл.

– Чудесный день, господин Сомна.

– Чудесный, чудесный. Только вот день ли это? Впрочем, не важно. Откуда вы знаете мое имя, падре на колесиках?

– А откуда вы знаете, что я священник? По одежде судите? Я могу вам и другой воротничок продемонстрировать... пеньковый.

На одно мгновение... человек в черном пальто превратился в ужасный разлагающийся труп, болтающийся на виселице. На голове его сидела синеватая ворона и клевала мертвецу глаза.

– Довольно, довольно, туше. Прошу вас не мучить меня подобными фокусами. Идите вон, к молодым девочкам, удивляйте их... а у меня нервы слабые.

– Знаем-с. Наслышаны. Хотя слово «нервы» пожалуй неуместно для того, кто прошел через третий этаж бумажной фабрики и остался в живых... Также как и «меня». Какого собственно «меня» вы имели в виду? Замученного вами до смерти Ральфа? Или любовника несчастной госпожи Ким? Что, труп так и не нашли? Вы все еще под судом? Или вам надоел этот криминальный сюжет, и вы его бросили, толком даже не начав? Или ваше «меня» относится к Дитриху фон Арвеле, дурацкую игрушку которого вы так нагло присвоили? Где она, кстати? В кармане? А может быть, поднимай выше, самого сиятельного императора Диоклетиана, великого гонителя христиан? Вы ведь недавно нанесли ему визит... изнутри, так сказать. И тоже, не без потерь для его казны...

– К дьяволу этого далмата, любителя капусты. Кстати, он не был таким уж плохим начальником... хотел империю восстановить, порядок... новый «золотой век» устроить... Термы построил недалеко от вокзала. Что вам от меня надо? Я устал, хочу поспать полчаса... Катитесь туда, откуда притащились, прямо в ад... А не то я вас в черную кошку превращу и на горящую крышу заброшу. А сам я приеду в город, пойду домой и приму ванну...

– В черную кошку на горящей крыше? Как оригинально. Ха-ха-ха. Ничего, ничего мне от вас не надо, любезнейший вы наш путешественник «по нижним мирам»... Мне – ничего, мне ни от кого ничего не надо... Ваш мир мне давно осточертел. Я такой же как вы – мне главное, чтобы меня не трогали... и я тоже хочу в ванну... книжечку почитать... того же Евсевия Кесарийского, доброго вашего дружка... кости старые погреть... колено вот разболелось... старая история... но моему братству кое что от вас надо, да... оно меня и прислало...

пришлось влезть в этот... в поезд... какая первобытная машина!

– Катитесь, катитесь, к черту, вместе с вашим братством! Не мешайте добрым людям дремать и в окошко смотреть.

– Добрым людям? Это вы – добрый человек? Или другие пассажиры? Весь ваш мир – только ложь и бутафория. Понимаю, вам лень концентрироваться после приключения на базаре, да еще и в чужом теле... Придется поработать за вас... Вы минутку назад обратили внимание на двух очаровательных невинных девушек... да, щебечущих там... в уголке. Как они прекрасны, какие точеные носики и подбородки... ботичеллевские волосы... совершенство, а знаете, чем они занимаются, когда... никого нет рядом? Как бы поприличнее выразиться... хм-хм... они лижут друг другу анусы... и... фу, как неаппетитно... испражняются при этом. И как страстно лижут! До беспамятства... И как стонут! А вы меня в ад посылаете. А он тут, всегда с нами... Под боком! Вон там, с другой стороны, видите солидного толстяка с мальчиком лет семи? Это папа с сыном. Ездили в гости к бабушке. Видите длинный такой сверток в сумочке? Это бабушкин подарок, духовое ружье. Чтобы внучек птичек мог пострелять... Папа – добрый человек, владелец небольшой лавочки, продает ортопедическую обувь... а сынок его школьник, хорошист, поет в церковном хоре... Аве Мария вытягивает, что твой соловей... Добрые люди? А знаете, что этот папа делает в их расчудесной домашней сауне, когда мамы дома нет? Зовет туда сына... раздевает его... целует его алый ротик... смазывает вазелином ему... продолжать? И сыну это очень нравится... папа и друзей иногда приглашает в сауну...

– Катитесь к черту со своими соловьями и саунами! Вы вуайерист, а не священник! Пусть все делают, что хотят. Взрослые и дети. Вам-то что?

– Мне ничего! Вуайерист? Да! Но только по долгу службы... А воон там, в конце нашего ряда, видите... старушка шапочку вяжет... Добрая такая. Она отравила крысином ядом двух своих мужей... пыталась отравить и соседку, к которой приревновала любовника. Но та выжила. Как же ее жертвы мучились! А ей все сошло с рук. И никаких укоров совести, представьте... никаких... А напротив нее сидит такой умный-умный дяденька с усами... полный и важный... он действительно умный, успешный в прошлом писатель... социальные романы

писал, по одному в год... с сюжетом и психологией... во времена ГДР он был «ИМ», стучал себе и стучал для Штази... да как квалифицированно... умно... всех друзей заложил... и знакомых... и знакомых друзей... и не покаялся... и с собой не покончил, когда его публично разоблачили... наоборот, он гордится собой... считает себя патриотом... уверен, что рано или поздно будет востребован и в новой Германии... и не без оснований... только, увы, еще до этого счастливого момента он умрет от удара... сразу после сытного ужина в ресторане... печально...

– Хватит, хватит тут разоблачать и проповедовать, все не без греха... К делу, пожалуйста.

– Вы так невежливы! Что же, к делу, так к делу... Мне поручили... хм... передать вам предложение принять участие в дискуссии... или в совете... в кругу избранных лиц... и для этого вы должны через час прибыть в Святую Землю... вот письмо, там инструкция... как и что... сами прочтите...

Он вынул из внутреннего кармана конверт, сверкнувший оттиснутой на нем золотой короной с зеленой змейкой, и подал мне.

– В дискуссии? Любое коллективное обсуждение напоминает мне свальный грех или комсомольское собрание. Единственным его результатом обычно является – неприязнь или вражда. Не знаю, почему говорю это вам, но для меня равно невыносимы и «вещание» гения... и «свободное демократическое обсуждение» проблемы в коллективе, члены которого всегда интуитивно ищут вождя-погоняльщика... и виноватых во всем врагов. Для того, чтобы отдать вождю свою свободу и поучаствовать в публичной казни... Или жертве.

– Ээ... потяни меня за палец... да вы еще и философ! Как вы разболтались... в поезде... с неизвестным... Прочитайте письмо, там все сказано... У меня нет больше сил и желания говорить с вами.

В его тоне слышалось раздражение и нетерпение. Он встал и лихо укатил от меня по проходу. Даже не попрощался. Вышел наверное на следующей остановке.

Я положил письмо в карман и опять задремал. Посмотрел только на адрес отправителя.

Адреса не было, но отправитель был указан. «Братство святого Флориана».

Эти слова ничего для меня не значили.

...

Поезд подъезжал к городу.

С левой стороны от железной дороги улицы убегали вверх, на пологий холм...

Остроконечная колокольня, казалось, протыкала небо... на седлообразной вершине холма рос «Чижиковый лес», по узким тропинкам которого я часто катался на велосипеде. Однажды я повстречал там обнаженную женщину, игравшую на маленькой дудочке. Я посмотрел на нее с вожделением, а она превратилась в птицу и улетела.

С правой – пятиэтажные дома, толпясь и волнуясь, массивными жилыми каскадами спускались к городской речке, параллельно которой мы ехали.

Недалеко от реки стоял дом старинной постройки, на третьем этаже которого располагалось мое логово.

Но домой в тот день я так и не попал.

Неодолимая потребность заставила меня заглянуть в недавно отремонтированный вокзальный ватерклозет. После успешного посещения стерильной кабинки, без единой надписи на стенах... вышел в туалетный зал... но вместо покрытых зеленоватым кафелем стен и сверкающих писсуаров увидел перед собой готические своды, витражи и знаменитую «Розовую кафедру», с которой еще Лютер проповедовал.

Что за гротескная чертовщина?

Какая глупая сила кинула меня из вокзального туалета в городской собор? И зачем?

...

В соборе этом, в своей древнейшей, подземной части еще сохранившем несколько романских колонн с стилизованными львами, пантерами и райскими птицами на капителях, я разумеется бывал и раньше. Излазил его вдоль и поперек. Его внутреннее пространство не было испорчено барочными переделками, как это произошло со многими другими немецкими церквями. Стрельчатые крестовые своды звенели... колонны были собраны в пучки... на некоторых из них крепились статуи. С наружной стороны стены собора поддерживали мощные аркбутаны, опирающиеся на контрфорсы.

Во времена Реформации обезумевшие толпы сломали и сожгли в соборе все, что можно было сломать и сжечь. Вымели из храма вместе с ложными святынями и самого Сына божия и его Мать. Уничтожили труд поколений честных ремесленников – кузнецов, ювелиров, художников, резчиков по дереву... Остались один на один с евангельскими текстами... и Лютером. Чертовы кретины!

Позже прихожане и клирики, сохранившие с риском для жизни немногие церковные сокровища, принесли их назад в собор... откуда их новой волной разрушения вымела 30-летняя война, эта бессмысленная, безумная бойня. А еще позже с востока приволокся Иван и установил в городе сталинские порядки. Настоящие нацисты уже сбежали на запад, пришлось ему отыгрываться на оставшихся.

Слава богу, немецкая деревянная скульптура русских не интересовала... они и свою-то родную пожгли после революции, а на немецкую у них и времени не было, надо же было за молодыми немочками, часами, радиоприемниками и фарфорами охотиться... Одна знакомая старая немка рассказывала, что русские врывались в дома и кричали: Ури-ури!

Кроме русских побежденных германцев грабили в этой части страны – чехи и поляки, о которых та же знакомая говорила: Эти изверги еще хуже иванов. И несмотря на все это – в соборе сохранились кое-где расписанные красками деревянные статуи... распятия, резной многостворчатый алтарь, несколько дюжин картин более или менее близких по стилю к работам Кранаха и его школы, знаменитая Пиета работы мастера Петера Бройера и легендарная «Розовая кафедра» с многочисленными фигурками из розового порфира... Для меня собор олицетворял то, единственное, захватывающе интересное, что осталось в Германии от прошлых времен. Там, под готическими сводами, защищенный от современности толстыми холодными стенами по бокам и потертыми каменными и бронзовыми надгробьями под ногами, между миром мертвых и Небесным Иерусалимом я чувствовал себя самим собой, а не каким-то пошлым «эмигрантом», приехавшим в Европу поесть вкусные сосиски и потрахать немку, как думали обо мне местные.

Поэтому, оказавшись в соборе, я не растерялся, а занялся тем, чем всегда тут

занимался – начал неспешный обход... медитативную экскурсию... подошел как обычно вначале к древнему деревянному распятию недалеко от главного входа. Распятый Иисус был ужасен... к голове его был приклеен парик из настоящих человеческих или конских черных волос. Огромное, не пропорциональное тело висело на длинных тонких руках. Пальцы на руках отсутствовали, были как бы отрублены. Вены на руках и ногах баскетболиста вздулись. Нарисованная кровь расплзлась струйками по всему измученному телу трехметрового гиганта. Выразительное худое лицо было искажено гримасой смерти... Я не удивился, когда услышал стоны, кашель... а потом и глухой голос статуи.

– Ты много раз спрашивал меня, что же произошло тогда, после моей казни. Пора тебе узнать правду. Ничего особенного... я умер... и воскрес... А теперь... посмотри на меня... на мое тело... если бы ты знал, как мне больно... как неудобно существовать в этой изъеденной жучками деревяшке... они грызут меня... проклятый терновый венец сползает на глаза... туристы пялятся по десять часов в сутки... Хочешь ли ты ТАКОГО бессмертия? А другого у меня нет.

...

В этот момент кто-то взял меня под руку. Это был тот самый священник. Только одет он был иначе... В пурпурную сутану. И все еще на роликовых коньках. Он легко приподнял меня... и прокрутил вместе со мной рискованный пируэт. Как опытный фигурист. Затем поставил меня на пол. Перед глазами у меня все поплыло, но он не дал мне упасть...

– Вы, господин Сомна, я вижу, письмо так и не распечатали? Ну что же... тогда придется... Он подхватил меня и крутанул еще раз.

– Прошу вас, перестаньте! Иначе меня в храме вырвет. Вижу, вас за короткое время моего отсутствия повысили в чине! Как вас теперь называть? Ваше катающееся превосходительство, крутящееся преосвященство, бегающее высокопреподобие или святейшество на колесиках?

– Как мило! Если вам так хочется, зовите меня Монсеньор. А теперь... прошу вас не дергаться и слегка поджать ноги.

Он обхватил меня сзади, приподнял, и мы покатались... сквозь колонны и стены... и... как будто так и надо... вкатились в другой, незнакомый мне, храм-ротонду.

Внутри большого помещения, увенчанного грандиозным куполом с круглой дырой посередине, из которой лился яркий свет, стояло еще одно, небольшое здание, какой-то чудовищно неправильной, даже отталкивающей архитектуры. В стенах его были пробиты эллипсоидальные отверстия. На его крыше было сооружено что-то вроде башенки с сильно сплюснутой луковкой.

– Это бредовое сооружение – Кувуклия, построена на месте склона скрытого холма, в котором по преданию находилась пещера, в которой похоронили Иисуса, – пояснил мой спутник. – Мы находимся в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. Прошу вас вести себя тут соответственно.

Он подмигнул мне, повернулся к Кувуклии задом, задрал свою сутану, спустил нижнее белье и показал Гробу Господню тощий зад. Пустил ветры. Затем как-то неестественно быстро привел себя в порядок, стал опять благообразным и продолжил говорить.

– Встреча с членами Братства состоится в бывшей каменоломне или цистерне, там, внизу, где, согласно легенде мать императора Константина Елена нашла Животворящий Крест. Тот самый, на котором распяли Христа. Всего нашли три креста. Всех их подкладывали к больным. Только один из них исцелял. Так-то. Я, хоть и был слегка ошеломлен, нашел в себе силы и сказал: Это по-вашему «вести себя соответственно»? Вы вульгарны. Сильно же вы в него верите, если так ненавидите... даже странно. И еще – прошу вас в следующий раз использовать авиатранспорт. Катание сквозь стены мне как-то непривычно. Уши можно поцарапать...

– Ах, профессор, вы обознались, приняли ритуал моего сословия за мое личное отношение... И не забывайте, я должен верить в Его силу, в Его меч, потому что моя сила – есть только ее отражение, мой меч – только тень Его меча... да-да, тень, но этой тенью я могу превратить в пыль стены потолще тутошних! Уберете Его, уберете и меня. И вам останется рациональный мир избитых истин и бесконечной скуки... мир, в который вы так радостно погрузились. Тупик.

– Это ли не избитая истина?

Монсеньор мне не ответил... Видимо, его «ритуал» требовал продолжения. Он преобразился... вырос, показал рогатую козлиную голову и раскрыл свои громадные темные крылья... Взлетел... И медленно облетел несколько раз

Кувуклию, не спуская с нее глаз... казалось, что он хотел испепелить ее взглядом...

Потом приземлился рядом со мной и тут же стал прежним... священником.

Лицо его выражало благоговение и почти светилось.

Я вспомнил цитату из Добротолюбия: Дьявол лукав и многолик.

Добавил от себя: И консервативен как постаревший политик.

Мы двинулись вниз по широкой лестнице.

Прошли освещенную магическим красноватым и зеленоватым светом, льющемся из сотен висящих лампад, капеллу с двумя могучими византийскими колоннами посередине и несколькими алтарями, и по узкой лестнице спустились в подземный зал, формой напоминающий сильно деформированную полусферу. Верхнюю ее часть как будто изгрыз клыками заключенный здесь тысячу лет дракон.

Я ожидал увидеть там членов братства святого Флориана в красных одеждах, капюшонах, с какими-нибудь атрибутами в руках... вроде щитов, шлемов или трезубцев...

Каково же было мое удивление, когда вместо этого, я увидел... большой круглый, подсвеченный снизу, стеклянный аквариум с золотыми рыбками, плавающими кругами вокруг невидимой оси.

У меня зачесались лопатки. Вокруг аквариума водили хоровод погруженные в глубокий транс обнаженные женщины, как будто сошедшие с полотен Поля Дельво. Тяжелые их груди колыхались как головы Гидры. Танцующие смотрели широко открытыми, как бы незрячими, глазами на какой-то предмет внутри аквариума.

Болезненное предчувствие кольнуло меня в сердце. Грубо оттолкнув одну из них, я прошел к аквариуму и прижался носом к стеклу.

Так и есть! В середине аквариума крутилась в маленьком, поблескивающем ртутью водовороте – серебряная трубочка с мощами святого Вита из девятого зала музея замка Грабштайн!

Вокруг нее крутились и танцевали фигурки-куколки. Два палача, шуты, красавица с лютней и миловидная госпожа Флеминг. Она глумливо улыбалась и манила меня к себе.

Я отпрянул от аквариума... заметил, что Монсеньор опять превратился в крылатого дьявола и летал вокруг аквариума. Прямо надо мной. Он смотрел на меня своими адскими черными глазами, хохотал и норовил схватить когтями... Хохот его напоминал раскаты грома.

Хоровод распался... женщины обернулись уродливыми старыми ведьмами... Еще через мгновение они бросились на меня, дико визжа...

Я попытался убежать, но не смог сделать ни шага. Панический страх парализовал мою волю...

Ведьмы повалили меня... накиннулись скопом... их длинные ногти и острые зубы вонзились в мое тело...

...

Внезапно все стихло.

Я открыл глаза и узнал залитый ярким июньским светом зал на третьем этаже заброшенной бумажной фабрики.

Я сидел на каменном полу, в руках держал серебряную трубочку. Прямо передо мной находилась живая мерцающая конструкция – дезинтегратор. Повинуясь инстинкту, я бросил трубочку в одно из его жерл, из которых вырывался синеватый огонь.

Дезинтегратор проглотил реликвию... и через несколько секунд исчез.

У меня как будто камень свалился с сердца...

Я встал и посмотрел в окно. Вид на замок Грабштайн был действительно великолепен.